

осуществить помимо вышеуказанных задач исследование проблем автопересказа и цитации, сквозных образов и деталей, характерных для художественного мира писателя.

Примечания

- ¹ *Димитрова И.* Литературни пейзажи. Творчеството на Станислав Стратиев. Велико Търново, 2015. С. 199. Здесь и далее перевод мой. — *Н. Л.*
- ² *Хализев В.Е.* Драма как явление искусства. М., 1978. С. 56.
- ³ *Стратиев С.* Лице от Греко. София, 1997. С. 130.
- ⁴ Там же. С. 53.
- ⁵ Там же. С. 10.
- ⁶ Там же. С. 53.
- ⁷ Там же. С. 43.
- ⁸ Там же. С. 36.
- ⁹ *Димитрова И.* Литературни пейзажи. Творчеството на Станислав Стратиев. С. 35.
- ¹⁰ *Стратиев С.* Лице от Греко. С. 116.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.3.1.12

Е. В. Шатъко

Стилистические фигуры контраста в сборнике рассказов «Страшные любовные истории» М. Павича

Творчество М. Павича, сербского прозаика-постмодерниста, отличает витиеватый язык — с избыточной метафоричностью, недосказанностью, развернутыми сравнениями, архаичной лексикой, тяжеловесными перечислениями. Знарок сербской литературы периода барокко, он использовал ее поэтику в своем творчестве: «Те люди очень хорошо знали, что внимание того, кто вас слушает, должно оставаться в напряжении, и умели этого добиваться [...] У них я научился тому, что делаю в литературе: в каждом предложении бороться за своего читателя»¹.

Павич часто использует прием антитезы, как сперва может показаться, без видимой на то причины: например, при описании интерьера («Одна дверка открывается только в день, а другая только в ночь»², «...большая комната, где один угол был глухим, а три других обладали эхом»³), в характеристике персонажа («Днем ее ум работает быстрее, чем сердце, но ночью наоборот»⁴, «Быстро и без дрожи в голосе переходила она с самых тихих звуков на самые громкие, со скорых на медленные, с высоких нот — на басовые»⁵, «...напудренные щеки отсвечивали — одна фиолетовым, а другая желтым»⁶, бедняк, «у которого в этом городе имеется всего лишь пятьдесят домов»⁷), при передаче его эмоционального состояния («...слышал, как свистят его уши — левое басом, а правое тоненьким голоском»⁸, «Мы жили быстро, и время для нас текло медленно, потому что мы его обгоняли. А теперь мы живем не спеша и наше время плывет все скорее...»⁹) или при описании окружающего мира («Прошла весна, когда луга пахнут завтрашним утром, наступило лето, и нивы запахи вчерашним днем»¹⁰).

Двойственность мира и самого человека — мотив, характерный для литературы барокко, — встречается и в прозе М. Павича. В сборнике рассказов «Страшные любовные истории» предлагаются две концепции соотношения души и тела. В «Истории о душе и теле» представлена следующая идея: «У души, как и у тела, есть свои органы. Узнав об этом, мы начинаем понимать, что реальность двойственна. [...] У души их [органов] десять — в два раза больше, чем органов чувств у человека. С их помощью душа общается с миром, который содержит внутри себя»¹¹. Тогда как в рассказе «Шляпа из рыбьей чешуи» предлагается иное видение: «Душа и тело — лабиринт... Тело — это стены лабиринта, а душа — дорожки, ведущие или не ведущие к центру»¹². Лабиринт также является важным философским символом жизни в эпоху барокко.

Прием антитезы важен и для создания героя-двойника. В рассказах «История о душе и теле» и «Шляпа из рыбьей чешуи» главному герою-мужчине противостоит и одновре-

менно его дополняет женский герой-двойник, тогда как в рассказе «Корсет» героем-двойником женского персонажа выступают сразу два женских образа, один из которых в финале сливается воедино с образом главной героини. Так Павич, с одной стороны, воссоздает традиции литературы барокко, а с другой — предлагает их новое прочтение, постмодернистскую игру с устойчивыми образами и мотивами. При создании подобных образов Павич часто использует противопоставление мужское-женское: «Я положил в огонь и мужских, и женских дров»¹³, «Мужчины любят зрением, а женщины слухом»¹⁴, «две кровати — женская и мужская»¹⁵, «...за стенами смешивались волны. Звуки мужской и женской речи»¹⁶, «И вдруг бог знает откуда, из Верхнего Котора, в этот женский смех ворвался бархатистый мужской голос»¹⁷, «Затем ощутил мужское желание, и, наконец, на голове его выросли чьи-то чужие волосы. Явно женские»¹⁸, «Они раздели друг друга и снова одели, он ее — в свою мужскую одежду, а она его — в свою женскую»¹⁹. Антитеза мужское-женское у Павича может быть выражена не только лексически, но и на уровне развернутых образов. Герой рассказа «Сводный брат» носит две пары часов (свои золотые и серебряные часы своей возлюбленной, чтобы получать известия о ее жизни). Герой рассказа «Шляпа из рыбьей чешуи» собирает коллекцию ключей и замков: ключи являются одновременно подсказкой на жизненном пути и символом мужского начала.

Павич использует антитезу на разных уровнях организации художественного текста: в качестве интенсификатора нереальности описываемого, что является характерным для него приемом при создании авторской (художественной) картины мира, для создания героя-двойника (рассказы «Корсет», «Шляпа из рыбьей чешуи»), а также как основу композиции произведения (рассказ «История о душе и теле»). Подобное использование противопоставлений, зачастую намеренно лишённое правдоподобия, позволяет автору создать вымышленный, эфемерный мир и одновременно создать своего рода оммаж литературной традиции барокко.

Примечания

- ¹ Kratka istorija jedne knjige. Izbor napisao Hazarskom recniku Milorada Pavića. Beograd, 1991. С. 28. Здесь и далее перевод мой. — *Е. Ш.*
- ² *Павич М.* Страшные любовные истории. СПб, 2006. С. 23.
- ³ Там же. С. 68.
- ⁴ Там же. С. 28.
- ⁵ Там же. С. 111.
- ⁶ Там же. С. 64.
- ⁷ Там же. С. 82.
- ⁸ Там же. С. 108.
- ⁹ Там же. С. 118.
- ¹⁰ Там же. С. 110.
- ¹¹ Там же. С. 42–43.
- ¹² Там же. С. 113.
- ¹³ Там же. С. 6.
- ¹⁴ Там же. С. 28.
- ¹⁵ Там же. С. 41.
- ¹⁶ Там же. С. 49.
- ¹⁷ Там же. С. 50.
- ¹⁸ Там же. С. 106.
- ¹⁹ Там же. С. 113.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.3.1.13

А. В. Бырина

Особенности поэтики романа Павла Виликовского «Первая и последняя любовь»

Роман Павла Виликовского «Первая и последняя любовь» (2013) состоит из двух частей: «На левом берегу памяти» и «Четвертая речь». В центре внимания писателя — человек. Однако личная драма героя первой части, успешного фотографа Камила, потерявшего интерес к фотографии и занятого поиском нового смысла жизни, интересует писателя в более широком смысле. Это также поиск смысла жизни всех современников Камила. Повествование ведется в двух